

18+

Сега Сашин

18+

ЛЁГКИЕ ЛЮДИ

Иногда, чтобы взлететь,
нужно отпустить всё, что держит тебя на земле.
Даже себя.

Сега Сашин

Легкие люди

<https://litres.ru/74218584>

ISBN 9785007035682

Аннотация

В детстве Александра впервые увидела себя со стороны. Это случилось в тёмной комнате, где она не могла дозваться матери. Потом сны стали её убежищем: там она летала, ела сладости, которых не было в детдоме, и на время переставала быть маленькой и ничьей. Но за каждое спасение нужно платить. После детдома, голода и первой любви Александре предстоит научиться самому трудному — возвращаться. К мужу, детям, потерям и к себе.

«Лёгкие люди» — исповедальная повесть о травме, материнстве и силе.

Содержание

ЛЁГКИЕ ЛЮДИ	5
Сега Сашин	5
АННОТАЦИЯ	6
ОТ АВТОРА	7
ПРОЛОГ	8
Тёмная комната	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Чужой дом	14
Глава 1. Чужая дверь	14
Глава 2. Тихий час	20
Глава 3. Не своя	22
Глава 4. Иерархия	24
Глава 5. Тихая сила	26
Глава 6. Первое столкновение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Легкие люди

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3568-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЁГКИЕ ЛЮДИ

Сега Сашин

Исповедальная психологическая повесть

с элементами мистического реализма

Основано на реальных переживаниях

18+

Данное произведение содержит сцены насилия, жестокости, а также нецензурную лексику (в диалогах). Рекомендуется для читателей старше 18 лет. Автор не несёт ответственности за возможные психологические последствия у неподготовленной аудитории.

АННОТАЦИЯ

В детстве Александра впервые увидела себя со стороны. Это случилось в тёмной комнате, где она не могла дозваться матери и не дотягивалась до выключателя. Потом сны стали её тайным местом: там можно было летать, чувствовать вкус сладостей, которых не покупали в детдоме, и на время оказываться там, где никто не причиняет боль.

С годами это спасение начинает требовать платы. После детдома, голода, тяжёлой работы и первой любви Александре придётся учиться самому трудному: возвращаться — к мужу, детям, потерям, дому и к себе.

«Лёгкие люди» — исповедальная психологическая повесть с элементами мистического реализма о травме, материнстве, памяти и силе, которая не шумит, но держит человека на земле.

ОТ АВТОРА

Эта книга основана на реальных переживаниях и внутренней правде. Я не прошу верить в полёты буквально. Для меня они — способ говорить о том, что иначе не помещалось в слова: о страхе, одиночестве, материнстве, потере и той части человека, которая даже в темноте ищет выход.

ПРОЛОГ

Тёмная комната

В ту ночь тишина впервые стала вещью: тяжёлой, чёрной, лежащей на груди.

Мне было четыре. Или пять. Память оставила от тех лет не жизнь, а обрывки: край занавески, холодный линолеум, мамины духи в коридоре. Но эту ночь я помню целиком. Это не воспоминание, а комната, в которую до сих пор можно войти.

Я проснулась от того, что перестала слышать маму.

Обычно она где-то была. За стеной, на кухне, в коридоре. Гремела чашкой, двигала стул, говорила по телефону вполголоса. Даже когда молчала, я всё равно знала: мама дома. В ту ночь за стеной не было ничего.

Я открыла глаза.

Комната утонула в темноте. Шторы были задёрнуты, дверь закрыта, свет нигде не просачивался. Я знала, где стоит шкаф, где стул, где край кровати, но знание не помогало: темнота стёрла всё. Стены, потолок, мои руки.

Сначала я просто не понимала. Потом вытянула ладони перед лицом, пошевелила пальцами — и не увидела их. Только холодный воздух коснулся кожи.

Тогда пришёл страх.

Я села. Одеяло сползло на колени, в комнате сразу стало холодно. Я натянула его до подбородка и позвала:

— Мама.

Тишина.

— Мама!

Никто не ответил.

Я выбралась из кровати. Босые ступни коснулись линолеума, и холод прошёл по ногам вверх, к животу. Я пошла вдоль стены, выставив руки перед собой. Обои были шершавые, с мелким цветочным узором. Я считала шаги, чтобы не заплакать.

Первый. Второй. Третий.

На четвёртом пальцы нащупали дверной косяк. Я вышла в прихожую. Там пахло мамиными духами — сладко, цветочно, почти празднично. Этот запах почему-то сделал страх ещё сильнее: мама была где-то рядом, но её не было.

Я встала на цыпочки и потянулась к выключателю.

Не достала.

Он был выше. Намного выше. В четыре года — или в пять — мир вообще состоял из вещей, до которых я не могла дотянуться.

Я вернулась в комнату, забралась под одеяло и заплакала без звука. Слезы текли по вискам в уши, я стирала их подушкой. Громко плакать было нельзя. Мама не любила, когда я плакала ночью. «Не ной, ты же большая», — сказала она однажды.

Я зажмурилась. Открыла глаза — темнота. Зажмурилась снова.

И тогда случилось первое.

Тело вдруг стало лёгким, будто из него вынули кости, кровь, всё, что тянуло вниз. Я испугалась: наверное, так умирают. Но это была не смерть.

Я открыла глаза и увидела себя со стороны.

На кровати лежала маленькая девочка в пижаме с медвежатами. Великоватая пижама, длинные рукава, ресницы на щеках. Девочка дышала ровно, почти спокойно. Она спала. А я стояла рядом и смотрела на неё.

Я была прозрачной. Не совсем невидимой — скорее светлой, как луна за туманом. Я пошевелила пальцами, и они послушались без усилия. Сделала шаг. Пол не скрипнул, потому что мои ноги его не касались.

Я прошла сквозь дверь.

Не открыла. Не толкнула. Просто шагнула — и оказалась в коридоре. Лампочка под потолком не горела, но я всё видела: свет будто шёл изнутри меня.

На кухне мама сидела за столом и курила. Днём её лицо казалось обычным, маминым. Ночью оно стало чужим: усталым, помятым, с морщинами, которые я раньше не замечала. Она смотрела в стену и выпускала дым.

Я подошла почти вплотную. Протянула руку. Пальцы прошли сквозь её плечо.

Я вышла на лестничную клетку, спустилась по ступенькам — не наступая, а скользя над ними. Подъездная дверь открылась сама.

Ночь. Улица. Фонари.

Снег падал крупно и медленно. Он не таял на мне: проходил сквозь тело, как через свет. Я поднялась выше — сначала над асфальтом, где в трещинах темнели прошлогодние листья, потом над голыми тополями, потом над крышами пятиэтажек и девятиэтажек, укрытых снегом, будто шапками.

Я летела.

Ветер проходил сквозь меня. Холода не было. Было только чувство, что я наконец-то не тяжёлая. Не маленькая. Не испуганная. Не та, которая не достаёт до выключателя.

Внизу горел город. Окна, фары, фонари — жёлтые, красные, белые — тянулись к горизонту, как рассыпанные бусы. Машины ползли по дорогам, люди двигались в окнах чёрными силуэтами.

Я смотрела на них сверху и думала: «Они меня не видят. Я есть — и меня нет».

Это было первое настоящее счастье в моей жизни.

Я не помню, как вернулась. Просто утром открыла глаза в своей кровати. Солнце било в окно: мама забыла задёрнуть шторы. Свет лежал на подушке, на медвежатах моей пижамы, на коте, который спал в ногах.

Я села и посмотрела на руки. На ладонях были тонкие красные царапины, как ниточки. Наверное, я расцарапала их о стену, пока ночью искала дверь. Тогда мне казалось, что это следы полёта. Теперь я думаю иначе: иногда сон просто подсвечивает то, что реальность уже успела сделать.

На кухне звякнула кружка.

— Мам, — позвала я. — Ты не слышала? Я вставала ночью?

— Спала ты, — ответила она. — Я заходила. Ты не просыпалась.

Я не стала спорить.

С тех пор ночь перестала быть концом дня. Она стала дверью — туда, где темнота больше не была сильнее меня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Чужой дом

Глава 1. Чужая дверь

В двенадцать лет меня отдали в детский дом.

До этого были комиссии, чужие женщины с папками, слова «акт обследования», «условия проживания», «лишение родительских прав». Я понимала мало. Только одно: взрослые уже решили, где мне жить, и моего голоса в этом решении не было.

Мать не спорила. Или спорила раньше — я не слышала. В тот день она стояла на обочине молча, будто тоже была не человеком, а вещью, которую оставили там, где она больше никому не нужна.

Я сидела на заднем сиденье машины и смотрела в окно. За окном мелькали дома, деревья, остановки с пустыми скамейками. Она осталась стоять на обочине. Не махала рукой. Не плакала. Просто стояла, опустив руки, и смотрела, как машина уезжает. Я не оборачивалась.

Машина пахла бензином, старыми сигаретами и освежителем воздуха в форме ёлочка, висевшим на зеркале. Водитель молчал. Я молчала. За окном проплывали дома. Сначала знакомые — мой двор, моя школа, магазин, где я покупала хлеб. Потом чужие — серые панельные многоэтажки с облущенными фасадами.

пившейся краской и разбитыми окнами в подъездах. Потом бетонные коробки, пустыри с торчащими из снега прошлогодними сорняками, гаражи с покосившимися крышами.

Мы остановились у высокого забора. Металлические прутья, покрашенные зелёной краской. Кое-где краска облезла, проглядывала ржавчина. За забором — трёхэтажное здание из серого кирпича. Окна большие, квадратные, занавешены белыми шторами — казёнными, одинаковыми, как в больнице. Ничего страшного. Обычное казённое учреждение.

— Приехали, — сказал водитель и заглушил двигатель.

Я вышла из машины. Взяла свой пакет — старый, потёртый, с одной лямкой, которую я пришивала уже три раза. Пошла к воротам. Снег скрипел под моими ботинками. На крыльце стояла женщина в халате — полная, с короткой стрижкой, с усталыми глазами, которые видели сотни таких, как я.

— Твоя мать не пришла? — спросила она. Голос был равнодушным.

— Нет, — ответила я.

— И не придёт?

— Наверное.

Она вздохнула — тяжело, как после долгой смены. Кивнула в сторону двери:

— Заходи.

Я зашла.

Детдом встретил меня запахом хлорки и каши. Хлорка за-

бывала всё — казалось, ею мыли здесь всё, от полов до стен. Каша пахла пресным молоком и подгоревшим сахаром. Линолеум на полу был потрескавшимся у порога — в трещины забились грязь, которую никто никогда не вычищал. Стены выкрашены в бледно-зелёный — так называемый «успокаивающий» цвет, который на самом деле навевал тоску. Коридоры длинные, бесконечные, с лампочками под потолком. Одна лампочка мигала. Тик-так. Тик-так. Как метроном. Как отсчёт времени до ночи.

— Меня зовут Татьяна Викторовна, — сказала женщина. — Я твоя воспитательница. Пойдём, покажу, где ты будешь жить.

Она пошла вперёд, не оглядываясь. Я пошла за ней.

— Это столовая. Завтрак в восемь, обед в двенадцать, ужин в шесть. Не опаздывать. Это классы. Уроки с девяти до двух. Это медицинский кабинет. Если болеешь — идёшь сюда, не в спальню. Это библиотека. Книги выдаёт библиотечкарь. Не рвать, не пачкать, возвращать вовремя.

Она говорила ровно, монотонно. Я слушала вполуха. Мне было важно другое: где моя кровать. Где я буду лежать ночью, когда все уснут.

— Спальни на втором этаже, — сказала Татьяна Викторовна, поднимаясь по лестнице. — Девочки — направо, мальчики — налево. Не путать.

Она привела меня в комнату на десять человек. Десять железных кроватей стояли в два ряда, узкими проходами

между ними — такими узкими, что две девочки не могли разойтись, не задев друг друга. Металлические спинки выкрашены белой краской, которая местами облупилась, обнажая ржавчину. Простыни серые, застиранные, в мелких дырочках. Наволочки в синий цветочек — такие же, как в любом казённом учреждении. Одеяла тонкие, байковые, с катышками.

На каждой кровати — подушка в наволочке с чужой вышивкой. Кто-то, давно, годы назад, вложил сюда кусочек дома — вышил крестиком цветок, сердечко, своё имя. Теперь эти вышивки стали просто пятнами — чужими, никому не нужными.

— Твоя кровать у окна, — сказала Татьяна Викторовна, указывая на дальний угол.

Там, у окна, стояла кровать. От других её отличало только то, что на подушке не было вышивки. Чистая, казённая, чужая. Никто не успел вышить на ней своё имя.

— Вещи убери в тумбочку. Обед в двенадцать. В девять — отбой.

Она ушла. Я осталась стоять посреди спальни. Сумка в моей руке казалась тяжелее, чем была. Гораздо тяжелее. Как будто в неё положили все мои двенадцать лет — все страхи, все надежды, все разочарования. Я опустила её на пол. Пол был холодным — линолеум, который никогда не нагревался.

Другие девочки косились на меня. Я чувствовала их взгляды — спиной, затылком, каждой клеткой тела. Кто-то с

любопытством, кто-то с настороженностью, кто-то с неприязнью — за что, я не знала. И не хотела знать.

Я села на кровать. Пружины прогнулись подо мной, жалобно скрипнули — старые, уставшие, как всё здесь. Я провела рукой по простыне — шершавая, пахнет порошком, дешёвым, едким, въевшимся в ткань за годы стирок. Сложила руки на коленях, выпрямила спину. Посмотрела в окно.

За окном был двор. Качели с облезлой краской — краска облезла так, что дерево проглядывало наружу, серое, мокрое от снега. Песочница с грязным песком — в песке замёрзли прошлогодние листья и окурки. Несколько чахлых деревьев, которые, наверное, посадили ещё при открытии детдома. Теперь их ветки были голыми, чёрными, в снегу. Небо низкое, серое.

— Ты новенькая? — раздался голос.

Я повернула голову. Ко мне подошла девочка. Короткая стрижка — волосы торчали в разные стороны, как у мальчишки. Веснушки на носу — россыпью, как брызги грязи. Нахальные глаза — прищуренные, оценивающие. Руки в боки, поза уверенная.

— А ты не видишь? — ответила я.

Она ухмыльнулась.

— Дерзкая, — сказала она. — Я Оксана. А тебя как?

— Александра.

— Ну, Александра, — она обвела рукой спальню. — Здесь мои правила. Поняла?

Я посмотрела на неё. Спокойно. Без вызова, без страха. Прямо в глаза.

— Поняла. У тебя свои правила. У меня — свои.

Она хотела что-то ответить, но не нашлась. Поджала губы, отвернулась и пошла к своей кровати — у самой дальней стены. Кровать с вышитой подушкой — сердце, крестик, чьё-то имя.

Я отвернулась к окну. Снег пошёл сильнее — крупные хлопья падали на стекло, таяли, оставляли мокрые дорожки.

Я думала о том, что скоро наступит ночь. Что я лягу на эту кровать, накроюсь этим одеялом, закрою глаза — и уйду. Туда, где нет ни Оксаны, ни её правил, ни запаха хлорки. Туда, где я лечу.

Глава 2. Тихий час

В детдоме был тихий час. Каждый день, после обеда — с часу до трёх — всех загоняли в спальни. Лежать. Молчать. Глаза закрыть. Воспитатели ходили по коридорам, заглядывали в каждую комнату.

Я не спала. Я ждала.

Тихий час был моим временем. Не таким, как ночь — ночью я летала по-настоящему, высоко, свободно, до облаков. А в тихий час я просто вспоминала. Прокручивала в голове полёты прошлой ночи, училась управлять снами, повторяла каждое движение.

Оксана лежала через две кровати от меня. Я слышала её ровное дыхание — она спала, иногда посапывала. Лена — соседка слева — ворочалась, вздыхала, иногда всхлипывала. У неё, наверное, что-то болело. Или что-то болело внутри — там, где не видно, но очень больно.

Я закрывала глаза. Представляла, что лечу. Медленно, над крышами. Снег внизу — белый, искристый. Вдох — и я выше, к облакам. Выдох — и я парю, держусь на ветру. Так просто. Почему они не умеют? Почему они боятся закрыть глаза?

В три часа раздался звонок. Железный, противный, как в школе — дребезжащий, режущий слух. Девочки зашевелились, заговорили, заскрипели кроватями.

— Вставайте, — крикнула воспитательница из коридора.
— Полдник.

Я открыла глаза. Встала. Надела тапки — чужие, великоватые, с оторванными помпонами. Пошла в столовую.

В столовой пахло киселём. Жидким, бледно-розовым, с комочками, которые не размешались до конца. Комочки плавали в стаканах, как медузы. Я взяла стакан, села за свободный стол. Ко мне никто не подсел.

За соседним столом шептались. Я не слышала слов — но чувствовала взгляды. Они кололи спину. Я пила кисель. Не торопилась. Комочки попадали в рот, я их проглатывала.

Оксана смотрела на меня из-за другого стола. Я встретила её взгляд. Она отвернулась первой.

Я допила кисель, поставила стакан на мокрое место. Вытерла рот рукавом.

Тихий час закончился. Началась жизнь. Но я уже ждала следующего.

Глава 3. Не своя

Я их бесила.

Я узнала это не сразу, а по мелочам. В столовой разговоры обрывались, когда я подходила за хлебом. В спальне кто-то нарочно оставлял мои тапки под чужой кроватью. В тихий час воспитательница делала вид, что не видит книгу у меня в руках, а девочки делали вид, что им всё равно.

— Смотрит, как будто все вокруг говно.

— Ходит, как королева.

— Думает, что лучше нас.

Они говорили это достаточно громко, чтобы я слышала, и достаточно тихо, чтобы потом можно было сказать: «Тебе показалось».

Мне не казалось.

Однажды после полдника Лена протянула мне половину вафли. Не от дружбы — проверяла. Возьму ли. Поблагодарю ли. Стану ли своей хотя бы на минуту.

Я посмотрела на вафлю. На её пальцы, липкие от сахара. На Оксану, которая наблюдала с соседнего стола.

— Не хочу, — сказала я.

Лена обиделась. Оксана усмехнулась. Вафля осталась лежать на столе, пока её не забрала младшая девочка.

Я не взяла. Вафля пахла сахаром и детством, которого у меня не было. Она лежала на столе, пока край не размок от

пролитого киселя. Лена отвернулась. Оксана улыбнулась. Я выдержала их взгляды — и почему-то не почувствовала победы.

Я читала. Сидела на кровати, поджав ноги, и уходила в книгу так глубоко, будто это тоже был сон. Меня звали на общий концерт — я говорила, что болит голова. Звали играть — я пожимала плечами. Пытались приказать — я смотрела в глаза и молчала.

Тогда мне казалось, что характер у меня железный. На самом деле железо было только снаружи. Внутри я была тонкой, как бумага, и слишком хорошо знала: если зашуршишь — услышат, куда рвать дальше.

Меня почти не трогали. Не потому что любили и не потому что уважали. Скорее потому, что быстро понимали: рядом со мной трудно почувствовать себя сильнее.

Глава 4. Иерархия

В детдоме была своя иерархия. Не написанная на стене, но понятная каждому уже через неделю.

Сверху были те, кто умел брать: лучший кусок котлеты, тёплое место у батареи, чужую резинку для волос, право говорить последним. Снизу — те, кто привык отдавать, пока у них не оставалось ничего, кроме привычки молчать. Посередине толкались остальные: сегодня с одними, завтра с другими, лишь бы не оказаться крайними.

Я была сбоку.

Не сверху: командовать означало помнить о людях больше, чем они заслуживали. Не снизу: я слишком рано поняла, что если один раз позволишь себя подвинуть, потом тебя будут двигать всю жизнь.

Однажды младшая, рыжая Катя, пришла ко мне после отбоя. Стояла у кровати босиком, в ночной рубашке, и шептала так тихо, что я больше читала по губам:

— Саша, она забрала мои носки. Сказала, если расскажу, засунет голову в унитаз.

— Кто?

Катя кивнула в сторону кровати Оксаны.

Я могла сказать: «Не моё дело». Так было бы безопаснее. Но девочка стояла и дрожала, и я вдруг увидела себя — маленькую, в темноте, без выключателя.

Утром я подошла к Оксане при всех.

— Верни носки.

— Какие ещё носки?

— Те, которые взяла не у себя.

Она засмеялась. Девочки притихли. Воспитательница делала вид, что ищет что-то в журнале.

— А то что?

Я не ответила. Просто смотрела. Долго. Без злости. Воспитательница перестала листать журнал. Оксана первой отвела глаза.

Оксана бросила носки на пол.

— Забирай свою сиротскую радость.

Катя подняла носки и убежала. После этого ко мне стали приходить чаще: за советом, за защитой, иногда просто посидеть рядом. Я не утешала. Слова для утешения у меня тогда были плохие, чужие. Я говорила, что делать. Иногда жестоко. Иногда правильно. Иногда это было одно и то же.

Подруг у меня всё равно не было. Были книги. Были ночи. Было небо, куда я могла уйти, когда казённая жизнь становилась слишком тесной.

Глава 5. Тихая сила

Меня не боялись за грубость. Я не была грубой. Я редко кричала, не лезла первой в драку, не размахивала кулаками. Я вообще старалась занимать как можно меньше места — пока кто-нибудь не попытается занять моё.

Моя сила была тихой. Такой тихой, что иногда я сама принимала её за пустоту.

Когда все ссорились, я читала. Когда кто-то пытался задеть меня словом, я смотрела и ждала, пока ему станет неловко от собственного голоса. В детдоме быстро учатся: крик можно перекрычать, удар можно вернуть, а спокойствие — нечем взять.

Однажды ко мне подошла Лидия Петровна — пожилая воспитательница с седыми волосами, собранными в пучок. Она была из тех взрослых, которые не спасают, но хотя бы не делают хуже.

— Ты почему не дружишь с девочками? — спросила она, присаживаясь на край моей кровати.

Я закрыла книгу пальцем, чтобы не потерять строку.

— Не хочу.

— А с кем хочешь?

— С собой.

Она вздохнула. Не осуждающе — устало.

— Одиночество — плохо. Человек не может жить один.

— Это для вас плохо, — сказала я. — А для меня нормально.

Она ушла, а я ещё долго не открывала книгу. Страница расплывалась перед глазами, хотя я не плакала.

На самом деле я врала. Одиночество было плохо. Просто я не знала другого способа быть в безопасности. Если никого не подпустить, никто не уйдёт. Если ничего не ждать, никто ничего не отнимет.

Глава 6. Первое столкновение

К третьему году в детдоме меня не трогали.

Всё изменилось в пятнадцать лет.

Её звали Света. Она появилась недавно — перевели из другого детдома. Высокая, плечистая, с квадратной челюстью и привычкой смотреть сверху вниз. Она была старше меня — на год или на два. И она привыкла командовать.

Ей сказали, что здесь есть свои порядки. Что Оксана — «королева». Что есть другие группировки. Что есть я.

— А это кто? — спросила она, кивая в мою сторону.

— Это Александра, — ответила Оксана с усмешкой. — Она сама по себе.

— Сама по себе? — Света прошлась взглядом по моей одежде — старой, выцветшей, не по размеру, — по моему лицу, по моим рукам. — И её никто не трогает?

— Попробуй — узнаешь.

Это было вызовом. И Света его приняла.

Она не нападала сразу. Несколько дней просто ходила мимо, смотрела исподлобья, сверлила взглядом, проверяла — дрогну ли я, отведу ли глаза. Я чувствовала её взгляд — тяжёлый, липкий. Я не оборачивалась. Не смотрела в ответ. Ждала.

Столкновение случилось в столовой.

Я стояла с подносом в очереди за супом. Сзади напирали.

Спереди кто-то копался, не мог выбрать — суп или борщ. Я ждала. И тут Света загородила проход.

— Пусти, — сказала я спокойно.

Она обернулась. Ухмыльнулась.

— А ты кто такая, чтобы я тебя пускала?

Она толкнула меня в плечо. Не больно — демонстративно. Чтобы показать, кто здесь главная.

Я не пошевелилась. Поднос в моей руке не дрогнул.

— Я кому сказала? — голос Светы стал громче.

Она толкнула ещё раз. Сильнее. Уже не демонстративно — агрессивно, со всей дури. Меня качнуло назад, поднос накренился, ложка соскользнула и с грохотом упала на пол. Я сделала шаг в сторону, чтобы не упасть. Поставила поднос на ближайший стол.

Вокруг зашептались. Оксана улыбалась, сложив руки на груди, — ей было интересно, чем кончится. Все замерли.

Света стояла напротив, тяжело дыша. Её кулаки были сжаты.

— В последний раз спрашиваю. Или уходишь с моего пути, или я сделаю так, что ты отсюда выползешь.

Я ударила. Не помню, как именно — кулаком, ладонью, ребром. Не думала. Просто ударила. Костяшками в переносицу. Коротко, резко, без замаха.

Света охнула. Схватила за лицо. По её пальцам потекла кровь.

На секунду в столовой стало тихо. Чья-то ложка упала на

пол. Кто-то выдохнул.

— Ещё раз тронешь — получишь снова, — сказала я спокойно. Чтобы слышали все.

Света не ответила. Она стояла, зажимая нос, и смотрела на меня с ненавистью... и с уважением. Я не знаю. Но она не двинулась. Не сделала шага. Не попыталась ударить в ответ.

Я наклонилась, подняла ложку. Вытерла её о край подноса. Взяла поднос, прошла к свободному столу — подальше от Светы, подальше от зевак. Села. Руки дрожали — от адреналина, не от страха. Я сжала их в кулаки, положила на колени. Суп был горячим. Пересоленным. Я съела его до конца.

После этой драки меня зауважали окончательно. Не полюбили — уважать и любить в детдоме разные вещи. Уважают тех, кто может постоять за себя. Любят тех, кто удобен. Я не была удобной.

Ко мне перестали придирааться. Перестали проверять на прочность. Света больше никогда не загораживала мне дорогу. Мы не стали врагами — мы стали никем. Просто двумя людьми, которые живут в одном детдоме и не замечают друг друга. Меня это устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.